

«Проект Байкал» продолжает публикацию кварталных мифов, созданных на иркутском материале. Заслуженный баюн и собиратель городского фольклора Козьма Кварталов обратился к прошлому купцов и староверов.

Ключевые слова: 130 квартал; купцы; бодхисатвы; староверы; скоморохи. /

Project Baikal continues to publish myths of the Quarter based on Irkutsk material. Kozma Kvartalov, an honored story-teller and collector of urban folklore, turns to the past of merchants and Old Believers.

Keywords: 130 Quarter; merchants; Bodhisattvas; Old Believers; buffoons.

Мифы 130-го квартала / Myths of the 130 Quarter

текст

Козьма Кварталов

графика

Яна Лисицина

text

Kozma Kvartalov

graphics

Yana Lisitsina

Бодхисатва по торговой части

В старые времена Иркутск был городом купеческим. Купцы в Иркутске всякие водились. Были богатые, смелые, предприимчивые: путешествовали в дикие страны на севере, до самой Камчатки, в пустыни Монгольские, в горы Гималайские. Технической смекалкой превосходили и немцев скрупулезных, и англичан хитроумных, и французских фантазеров.

Но было и другое купечество – помельче, второго да третьего разбору. Те больших проектов не строили, промышляли, чем Бог пошлет, со дня на день да от случая к случаю. В мелких купцах по большей части ходили люди жадные да скупые, над копейкой тряслись, а крупной выгоды зачастую и не соображали. Экономили на спичках или, как говорят в Туркестане, наклоняясь за мелкой монеткой, роняли из-за пазухи слиток золота.

Вот с одним из таких купцов случилась история. Человек он был обычный, с виду – типичный купец: живот сытый, руки пухлые, пальцы ловкие, глаза бегучие. Звали его по отчеству, Палыч, а по имени, кроме жены, никто не звал. Была у Палыча одна особенность: очень он любил встречаться с путешественниками, которые ходили в дикие страны – в Индию, в Китай, а то даже в Тибет. Особенно ему нравилось, что в тамошней буддийской вере каждое дело, в том числе торговое, ведет к святости, если с душой к нему подходить. Уважал Палыч восточных людей за такое отношение к торговле. Даже целую коллекцию священных сувениров собрал: тут тебе и бронзовые индийские бодхисатвы, и тибетские свитки с изображением джанг-чуб-сем-па, и китайская жаба с монеткой во рту.

Вот скопил он толику денег, да и решил открыть лавочку модных товаров в парижском стиле. Одна-то лавочка, продуктовая, у него уже была недалеко от Крестовоздвиженской церкви. Храм знаменитый, старинный, и место выгодное, рядом с торговым трактом, а все-таки окраина. Это сейчас Крестовоздвиженская в центре, возле модного квартала, а тогда, считай, была она чуть не за городской чертой.

В общем, приобрел наш Палыч домик в самом бойком месте, подновил, обстроил, навез платьев, сюртуков, лент, вееров и всякого прочего модного товара. Назначил день открытия лавки. А для того, чтобы дело пошло успешно, решил попросить помощи у своих любимых торговых

^ Танец. Белое

бодхисатв. Купцы-то, известное дело, народ суеверный. В красном углу иконы, на шее крест, а в душе – во всякую чертовщину верят, всякому божку поклониться готовы, лишь бы удачу приманить.

На приманки для покупателя Палыч не поскупился. Даму парижскую во всей красе ему художники нарисовали, плакаты по городу развесили и объявления тоже, и в газете «Губернские ведомости» заметочку напечатали про его новую лавку да про него самого, какой он надежный и честный продавец, да какие шикарные товары из самого Парижа в его лавке найти можно.

Поздно вечером накануне открытия наш купец обратился к своим индийским-буддийским фигуркам с чем-то вроде молитвы. На удачу.

А ночью приснилось ему, что явились на сходку все его торговые бодхисатвы, и спрашивают на чистом русском языке: «Чего ты, Палыч, хочешь, какой удачи от нас просишь? Говори чисто конкретно, а то мы сущности хоть и потусторонние, но рыночные, абстракцией не понимаем».

Купец растерялся, да и брякни: «Хочу, мол, чтобы завтра на открытие лавки ко мне весь город пришел!»

Бодхисатвы переглянулись и говорят: «Быть по сему!»

Наутро, чуть свет, Палыч уже в новой лавке хлопочет, товары раскладывает, добрый товар на прилавок, поплоче – под прилавок. Вот и первые покупатели появились. Смотрят товар, щупают, обсуждают. И все новые, новые посетители идут. Уже полным-полно людей, в дверях толкня, давка. А народ все прибывает. Важные гости визит нанесли – крупное купечество, чиновники. Ну, а когда сам генерал-губернатор пожаловал, тут и впрямь весь город повалил. Пока генерал-губернатор лавку осматривал (потом он и сам не мог понять, что ему там понадобилось, в этой лавчонке), полиция более-менее порядок удерживала. А как его превосходительство соизволили отбыть и полиция с ним, так народ вовсе обезумел. Всяк в лавку рвется, локтями толкается, ругаются люди, кричат, глядь, и оплеухи полетели...

В общем, развалил народ новую лавку. Окна вышибли, дверь вынесли, прилавки в щепки разломали. Товар расхитили, а больше потоптали, сам купец едва ноги унес. В большом убытке оказался, спасибо, хоть не покалеченный.

^ Танец. Красное

С тех пор немало торгованов по жадности да скудоумию о том же удачу свою просили – чтобы привела им в покупатели весь город. Да только, хвала сувенирам, больше такого ни разу не получалось.

Перевоспитание шишиморы

А вот еще рассказывают про иркутское купечество такую историю. Когда Никон-патриарх взялся православную церковь реформировать, многие староверы не согласились с прежним укладом расставаться и подались в Сибирь. Тут их никто особо не притеснял, наоборот, уважали. И то сказать – староверы слыли людьми честными да совестливыми. На деньги особой жадности не показывали, а полагали торговлю делом богоугодным. Правила купеческие соблюдали свято, ростовщичеством не марались, если и давали в долг – так без процентов, а бывало, что и прощали долги честному знакомцу.

Один из таких староверов поселился возле Крестовоздвиженской церкви, построил себе дом и зажил бобылем. Ни семьи, ни детей. Из близких – одни такие же, как он, староверы. У себя в доме он и комнатку особую выделил, чтобы молиться всем вместе. В церковь, понятное дело, не ходили, иконы хранили, старинные, книги с «правильным писанием». Звали того человека Кузьмой Иннокентьевичем, и было ему на ту пору лет примерно пятьдесят.

Церковь у нас, как обычно, на пригорке стоит. А внизу, ближе к реке, было тогда небольшое болотце. Правый-то берег пологий – до самого треугольного квартала на косогоре под Иерусалимской горой. Так оно обычно и бывает, когда река с юга на север течет. В болоте жили черти. Жили семьями, женились на чертовках, чертенят плодили, но людей сильно не любили и очень старались людям как-нибудь напакостить. Вот однажды болотные черти между собой заспорили, можно ли такого старовера, каков есть Кузьма Иннокентьевич, с пути праведного соблазнить. Черти, известное дело, существа азартные, в споре разум теряют, под горячую голову любой заклад принять готовы. Вот один черт и взялся на спор ввести купца в искушение. Пускай, дескать, Кузьма Иннокентич в гнев войдет, да скверными словами рот испачкает, а то и богохульство какое изрыгнет – то-то всей чертовской братии будет радость!

Черт за дело взялся с огоньком. Пугал купца, оборачивался то черной кошкой, то пыльным смерчем, то велика-

ном с добрую сосну ростом... В потемках стучал в окна, в кабак зазывал под видом соседа, чтобы водкой-пивом опоить чертовским способом. И морок знатный наводил: казалось людям, что в молельне у староверов вместо ладана дрянным табаком воняет.

Только ничего не помогало. Крепок Кузьма Иннокентич. Смотрит на чертовские проделки да посмеивается. Я, говорит, покудова с родной Смоленщины до Иркутска пешком дошел, такое повидал, чего тебе, чертяка, и в головёшку твою рогатенькую ни в жись не возьдет.

Тогда помаленьку остальные черти болотные в игру включились. Всех азарт обуял. Стараются что есть мочи. Только никак не строятся у них пакости. На все выходы чертовские усмехнется купец да крест на себя кладет по старому обычаю, двоеперстно. Еще норовит и чертей закрестить, а им это хуже, чем батоном по рылу.

Разобиделись черти, сильно осерчали. И придумали самую-самую гадкую гадость. Выбрали молодую, злующую да вредящую шишимору со своего болота и послали ее в дом к этому купцу, чтобы она ему жизнь попортила по полному, по-шишиморски.

Ну, шишимора споренько за дело принялась. То вдруг среди ночи примется куделю прясть, да так, что веретено у нее свистит пуще паровозу. То давай глиняные горшки в темной кухне мыть, перебирать, да половину и расколотит. А то кур перепугает до того, что они сами себе все перья повыдергают. На конях купцовых по ночам каталась так, что они к утру все в мыле оказывались. В общем, безобразничала в полную, сколько хотела, сколько могла.

Так бы, наверное, и разорила все хозяйство, а то и вовсе со свету сжила неподатливого Кузьму Иннокентича, но вышла тут особая история.

Проходили через Иркутск бродячие скоморохи. Цыгане – не цыгане, китайцы – не китайцы, люди непонятные, но ловкие и веселые. И был у них крепкий большой медведь, такой воспитанный, послушный, прямо диво. Однако ж ночевать да с медведем их никто пускать не хотел. Один только Кузьма Иннокентьевич Христа ради на свой двор пустил. Чего уж там, не на улице же им спать. Люди трудовые, крещеные. Пусть себе ночуют.

Как заснули все, шишимора из дому вышла, глядь – незнайные люди на купеческом дворе под телегами спят. Шишимора обрадовалась и решила их напугать.

Забралась между артистами, и давай щекотаться, как ее русалки научили. Только на радостях не разобрала, что щекочет-то она медведя. Люди его между собой положили, чтобы спалось теплее. А медведь даром что ученый, спросонок облапил шишимору и давай мать. Захрустели у шишиморы косточки. Заверещала нечисть дурным голосом, едва вырвалась и за печку в избе спряталась.

Что уж тогда с шишиморой приключилось – Бог весть! То ли медведь ей какую важную косточку на место вправил, то ли вся жизнь ее некрасивая в тот момент перед глазами пронеслась, но только с тех пор нрав у шишиморы совсем переменялся.

Вместо пакостей взялась она хозяину помогать всячески, а потом и вовсе вышла замуж за домового, остепенилась и много пользы по хозяйству творила.

А когда в квартале пожар случился, то люди рассказывают, многие видали, как во дворе у Кузьмы Иннокентича домовиха шишиморским чудесным платком махала, огонь отгоняла. Так дом и не загорелся, миновал его пожар.

Черти же болотные искушать купца бросили, на двор к нему заходить боялись – ну как и для них медвежьи объятия припасены!

А бродячим артистам в квартале с той поры отказу нету. Приходи, песни пой, на чем хочешь музыку играй, даже можно и медведя приводить – никто не прогонит, не обидит, может, и денег дадут. Немного, конечно, зато с почетом и уважением.